

Боснийский кризис 1908 – 1909 гг. И славянский вопрос

Я.В. Вишняков

Боснийский кризис 1908-1909 гг. явился событием, ключевым образом повлиявшим на развитие политической ситуации в Европе начала XX века. В сентябре 1908 года Австро-Венгрия объявила об аннексии территории Боснии и Герцеговины, которая была ею оккупирована по решению Берлинского конгресса 1878 года, на котором обсуждались условия окончания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В марте 1909 года под давлением Германии свершившийся факт вынуждена была признать Россия, а вслед за ней и Сербия. Российское общественное мнение охарактеризовало это событие как «дипломатическую Цусиму». Последствия этого шага австро-венгерской монархии не замедлили сказаться. Спустя пять лет в Сараево прозвучал выстрел, ставший роковым не только для Австро-Венгерской, но и для Османской, Германской и Российской империй. Уроки боснийского кризиса не потеряли своей актуальности и сегодня.

Европейская политика в предшествующие первой мировой войне шесть лет представляла собой практически непрерывную череду кризисов, что тесно связано с нарастающими противоречиями между двумя военно-политическими блоками – Тройственным союзом и Антантой. Но именно на Балканах в те годы завязывался узел межгосударственных противоречий, приведших к первой мировой войне. Вряд ли может вызвать сомнение утверждение о том, что боснийский кризис 1908-1909 гг. сам по себе, чуть было не вызвавший военный конфликт, стал прологом первой мировой войны.

В мае 1906 года в российском МИДе произошло ожидаемое событие.

Министр В.Н. Ламздорф был отправлен в отставку, а на его место был назначен А.П. Извольский – бывший российский посланник в Копенгагене. В то же время, в конце 1906 года произошла перемена и в руководстве австрийского внешнеполитического ведомства. Вместо А. Голуховского на пост министра иностранных дел был назначен А. Эренталь (1854-1912 гг.), прошедший по всем ступеням дипломатической карьеры, трижды бывший в Петербурге в качестве атташе, советника и затем посла (1899-1906 гг.).

Именно аннексия этих провинций, оккупированных по решению Берлинского конгресса

1878 года, по мнению Эренталя, могла укрепить позиции Австро-Венгрии в стратегически важном регионе – на Балканах. К немедленным действиям Вену подталкивали и события в Османской империи, где летом 1908 года произошла младотурецкая революция. Она могла вызвать серьезное ослабление позиций Австро-Венгрии во все еще формально принадлежавших Турции провинциях. А.П. Извольский, тем не менее, пошел на переговоры с Эренталем, которые состоялись 2-3 (15-16) сентября 1908 года в замке Бухлау. Австрийский министр в обмен на благожелательную позицию Петербурга обещал поддержать требование России об изменении статуса Босфора и Дарданелл. Извольский в итоге был полностью одурочен, поскольку факт аннексии состоялся сразу же после окончания переговоров, а другие державы, особенно Великобритания, отнеслись к идее пересмотра статуса проливов крайне неблагоприятно.¹

Император Франц-Иосиф объявил об аннексии Боснии и Герцеговины 24 сентября (6 октября) 1908 года, что, по расчетам венских правящих кругов, могло означать только одно: Австро-Венгрия забирала себе то, чем она и так владела последние тридцать лет. Накануне свой суверенитет провозгласила Болгария.²

Общественная реакция на эти события в России и Сербии была весьма негативной. Но

■ Международные отношения

если для России факт аннексии мог означать лишь молчаливое согласие с нарушением Австро-Венгрией всех ранее заключенных договоров и тем самым, признание экспансионистских планов Вены, что и вызвало бурю общественно-негодования деятельностью А.П. Извольского и скорую его отставку, то для Сербии это же событие означало окончательный крах надежд на создание югославянского государства с центром в Белграде. Сообщение об аннексии стало не просто шоком для правящих кругов страны, но и вызвало в Сербии мощный всплеск антиавстрийских настроений. Председатель Народной Скупщины страны Любомир Йованович в речи на заседании 29 сентября 1908 г. (по старому стилю) сказал: «Национальному праву сербского народа угрожает опасность. Кто такие эти люди, живущие в Боснии, и какие они должны иметь права как народ, это братья, известно. Ныне нет в мире никакого другого, кроме сербов, народа, который бы ранее, или в настоящее время жил в Боснии. Сербь там находились до возникновения государства Карла Великого, и, следовательно, тем более до возникновения тех государств, которые образовались из державы Карла Великого».³

А министр иностранных дел Сербии М. Милованович, отвечая на запрос Скупщины 20 декабря 1908 г. (ст. стиль), отметил: «Для всех поборников балканской свободы, для всех, кто выдвигает в качестве основы для решения балканского вопроса принцип – «Балканы балканским народам», - ясно, что для этого принципа и данного решения не существует другой опасности, кроме Австро-Венгрии. Самостоятельная жизнь Сербии и Черногории должна опираться на Боснию и Герцеговину. Без свободной политической и экономической связи с Боснией и Герцеговиной мы не можем иметь постоянной гарантии для нашей будущности».⁴ В принятом 21 декабря 1908 года (ст. стиль) Скупщиной постановлении говорилось, что Босния и Герцеговина должны стать вассальным княжеством «под суверенитетом Его Величества Султана при гарантии европейских держав, когда обеспечена будет территориальная связь Сербии и Черногории через Боснию и Герцеговину, и когда Сербии будет гарантировано транзитное сообщение во всех направлениях со всеми государствами».⁵

Буквально сразу после объявления аннексии, в начале октября 1908 года в Белграде была основана организация «Народная оборона», целью которой была организация четнического движения в Боснии и Герцеговине. В нее вошли политические лидеры влиятельной в стране радикальной партии и офицеры сербской армии. «Народная Оборона» делилась на 223 филиала и имела значительное число сторонников за рубежом. Военная тревога достигла пика весной 1909 года. 29 марта Австро-Венгрия объявила частичную мобилизацию. День спустя Сербия, поддавшись дипломатическому давлению Рос-

сии, вынуждена была признать свершившийся факт, который стал рассматриваться сербами как национальное унижение, коренным образом повлияв на весь последующий внутривнутриполитический и внешнеполитический курсы страны.

Аннексия Боснии и Герцеговины не могла осуществиться без соответствующей подготовки Австро-Венгрией общественного мнения. Именно поэтому важной составной частью аннексионного плана было создание в европейской общественной среде мифа об объективной необходимости этого шага, в связи с якобы готовящемся в Сербии заговора как против монархии, так и против соседнего славянского государства - Черногории. Венское правительство при этом преследовало две цели:

- во-первых, скомпрометировать славянское движение в целом;
- во-вторых, столкнуть между собой Сербию и Черногорию, постаравшись при этом если не вовлечь последнюю полностью в орбиту своей политики, то, по крайней мере, ослабить там российское влияние.

Главную же роль в осуществлении планов Вены предстояло сыграть журналисту сараевской газеты «День» Георгию Настичу, по словам российского посла в Вене Урусова – личности темной и «самой сомнительной нравственности».⁶

Кроме того, события в самой Черногории соотносились с интересами венского кабинета. В ноябре 1907 года группой черногорской молодежи было переправлено из Сербии 15 гранат, что привело к раскрытию заговора против черногорского князя Николы. В его организации были обвинены лидеры Народной партии Черногории, возникшей незадолго до вышеозначенных событий. «Афера с бомбами» дала князю повод для расправы со своими политическими оппонентами. По сообщению российского министра-резидента в Цетинье П.В. Максимова, «из захваченных писем было установлено, что деятельным поставщиком бомб служил также некий студент белградского университета черногорец Дакович, стоявший во главе прошлогодней манифестации и давно подозреваемый в серьезной революционной деятельности. Помощником ему был престарелый отец, который, по заключению в тюрьму, как говорят, сознался в своем сообщничестве с сыном, находящимся теперь в Белграде».⁷

Российский дипломат, донося о заговоре, особо отметил при этом: «Насколько гадки и низки эти предатели, я сам могу убедиться из того, что некоторые из них, перешедшие на сторону настоящего правительства, без стеснения утверждают, что душой их клуба был русский представитель в Цетинье, по наущению которого они и действовали, и который прямо заявил им, что пока народники⁸ не будут у власти, императорское правительство не будет выплачивать следующих княжеству субсидий».⁹ Также, по утверждению черногорских властей,

в постоянных контактах с заговорщиками находился русский генерал Попович-Липовац – черногорец по происхождению.

По этому же делу был арестован «бывший воспитанник Одесского военного училища Джуканович, бывший в числе молодых офицеров летом исключенных из черногорской армии за сочувствие, выраженное ими племяннику княгини Милены, приговоренному к тюремному заключению на основании полученного им из Сербии от брата компрометировавшего его письма».¹⁰ В данном случае речь, видимо, идет о событиях осени 1906 года, когда в разгар предвыборной кампании в черногорскую Скупщину 16 студентов, обучавшихся в Белграде, опубликовали брошюру «Слово черногорской омладины о событиях в Черногории». В ней содержалась резкая критика черногорских властей и обвинение их в коррупции и доведении страны до полного обнищания. Никола начал судебное преследование, однако на суде обвиняемые зачитали два личных письма, написанных чиновником, который оглашал обвинение. Их содержание было намного резче студенческого памфлета. Судьям пришлось ограничиться выговором в адрес студентов.¹¹

Цель австро-венгерского кабинета была достигнута. Сербо-черногорские отношения накалились до предела, а сербский посол Иванович был отозван из Цетинье. Несколько позже, в ноябре 1909 года временный поверенный в делах Черногории Дьяченко отмечал в одном из своих донесений: «Поскольку дело касается отношений Черногории к Сербии, то в них пока этот элемент доверия отсутствует. Главная причина такого прискорбного явления лежит, как я уже ранее отмечал, в гостеприимстве, оказываемом королевством черногорским политическим эмигрантам. Князь Николай твердо убежден в том, что главная опасность ему лично и всей династии грозит со стороны сербского правительства, всячески поддерживающих заклятых врагов Черногории и дома Петровичей-Негошей. Окружающие господаря лица, по различным соображениям, поддерживают в нем уверенность, часто, быть может, намеренно преувеличивая опасность, грозящую его королевскому величеству со стороны Белграда. В виду вышесказанного, я имею серьезные основания утверждать, что пока вопрос о черногорских эмигрантах, сосредоточившихся ныне в Белграде, не будет разрешен в желаемом здесь смысле, а именно, доколе эти лица не будут удалены из пределов королевства и вместе с тем лишены получаемых ими от сербского правительства субсидий, нельзя рассчитывать на восстановление доверчивых, искренних отношений между Белградом и Цетинье».¹²

Никола требовал от Белграда выдачи черногорцев, якобы причастных к заговору, а кроме того «неожиданно» выяснилось, что именно туда ведут нити заговора, о чем и сообщил свидетель Г. Настич. Он обвинил в организации покуше-

ния в том числе и принца Георгия, в то время наследника сербского престола. Российский поверенный в делах в Цетинье Е.Ф. Штейн писал: «Прибыв в Белград, Настич вскоре познакомился со многими членами клуба «Словенский Юг»¹³ и между ними с двоюродным братом короля Петра капитаном Ненадовичем. Его тогда же поразила чрезвычайная интимность отношений между Ненадовичем и наследником сербского престола, их очевидная и неразрывная дружба. Тогда же Настич отметил и то обстоятельство, что наиболее выгодные назначения как на различные места по дипломатической службе, так и во внутренней администрации, неизменно давались членам названного клуба, являвшегося, по уверению свидетеля, душою всех пансербских и иных политических интриг. В феврале прошлого года Ненадович поручил Настичу отправиться в Крагуевац и ознакомиться там с техникой выделки бомб, предназначенных, как тогда понял свидетель, для политической агитации в Новопазарском санджаке и Старой Сербии».

Вместе с тем Штейн указывает, что главная цель изготовления взрывчатки была иной: «бомбы, предназначавшиеся для совершения в Черногории переворота, те самые, над изготовлением которых трудился в Крагуевце Настич и которые затем были отвезены в Белград и сданы в помещении клуба «Словенский Юг». Как бы то ни было, назначение привезенных Настичем бомб внезапно определилось: на настойчивые расспросы о том Настича, Ненадович, избегавший до этого времени определенного ответа, сообщил ему, что настало время решительных действий в Черногории и что бомбы будут отправлены туда для проведения переворота, который, с всесербской точки зрения, будет иметь самые важные последствия». Российский дипломат при этом был убежден в существующей для жизни Николы опасности, донося в мае 1908 года: «Непреложным, мне кажется, остается многократно подтвержденный факт, что бомбы были доставлены в Цетинье из Белграда и столь же почти несомненным, я полагаю, следует считать, что изготовлены они были в Крагуевацком арсенале».¹⁴

Летом 1908 года по приговору суда к смертной казни было приговорено 6 человек, четверо из них заочно, трое получили вечную каторгу. Среди осужденных были 13 человек, поставивших свою подпись под программой Народной партии. Правда, Никола заменил смертный приговор двум обвиняемым - Васо Чулафичу и Джуро Войводичу вечной каторгой. Никола, таким образом, расправился с политическими соперниками, а Австро-Венгрии удалось не только столкнуть славянские государства, но и усилить свои позиции в Черногории. И это даже несмотря на то, что аннексионный кризис сблизили позиции двух государств: в октябре 1908 года между ними было подписано соглашение «устанавливающее между Сербией и Черногорией общность в оценке положения, вызванного нарушением

■ Международные отношения

Берлинского трактата, особенно со стороны Австрии, а также согласие по отношению к защите национальных интересов братских народов».¹⁵

В начале 1910 года в Цетинье был назначен новый дипломатический представитель Австро-Венгрии барон Гисль фон Гислинген. До российского посольства сразу же стали доходить слухи о том, «будто бы австро-венгерский представитель намекнул господарю на готовность придунайской монархии предоставить его королевскому высочеству, на известных условиях, выгоды реального характера».¹⁶ Новый австрийский посланник убеждал Николу, что «Черногории не стоит больше заниматься босно-герцеговинским вопросом, и при этом заметил, что «Австрия не будет ничего иметь против расширения Черногории за счет прилегающих областей Турции в сторону Ипека».¹⁷

15 августа 1910 года, в честь 50-летия своего правления, Никола объявил Черногорию королевством. Это событие также вызвало позитивный отклик в Австро-Венгрии, связанный с надеждами окончательно вовлечь страну в орбиту своей политики. Так, в феврале 1911 года австрийский журналист Л. Мандель, выразитель официальной точки зрения венских правящих кругов, в беседе с В.П. Сватковским¹⁸ прямо заявил, что «провозглашение Черногории королевством было победой присущего сербскому народу сепаратизма над не имевшей достаточной почвы, привозной с запада, идеей сербского единения вокруг Сербии как сербского «Пьемонта». Он же добавил, что «сепаратисткая в сербском смысле Черногория не только не опасна для Австро-Венгрии, но может взять на себя отчасти или временно ту или иную австро-венгерскую миссию, например в северо-албанском вопросе, даже в санджакском вопросе. Так, например, не подлежит сомнению, что Черногория завладеет лежащей в Санджаке пограничной Беранской нахией. Течение событий дает ясные предсказания относительно этого естественного и неизбежного расширения черногорской территории на восток. И Австро-Венгрия противиться этому не будет».¹⁹

Раскрытие «заговора» против Николы удивительным образом совпало с началом судебного процесса в Загребе (Аграме). В январе 1908 года баном Хорватии был назначен Павел Раух, опиравшийся на националистическую хорватскую партию Франка. Тут же последовала череда «разоблачительных» публикаций, в которых сербское правительство обвинялось в подготовке заговора с целью захвата югославянских земель Дунайской монархии. А вскоре последовали и прямые репрессии. Перед судом предстали 53 серба – участники все той же организации «Словенский Юг». Обвинение было построено на неких секретных документах, а главным свидетелем со стороны обвинения опять стал журналист Настич.

Российский посол в Вене князь Урусов доносил по этому поводу в августе 1908 года: «К тому,

же после обнаружения конституции в Турции развилось национальное стремление сербов в Боснии и их вождение получить автономное управление. В Хорватии и Боснии были арестованы главные члены общества «Славянский Юг», имеющего целью освобождение южных славян, в Аграме начался против них процесс по обвинению в государственном преступлении». Российский посол писал, что Настич в своих брошюрах признал, что он сам «участвовал в «великосербской пропаганде», но что он отошел от нее, когда убедился в террористической ее программе, включавшей в себя убийство князя Николая Черногорского».²⁰ Урусов при этом отмечал: «Следствие обнаружило также, что общества сербских и хорватских соколов не только имеют политические цели, но и устроены наподобие военных кадров для предполагаемой армии повстанцев. В состав их входят преимущественно люди, отслужившие свой срок в австро-венгерской армии. План организации соколов и гимнастических обществ в Хорватии был, по утверждению обвинителей, составлен начальником главного штаба в Белграде подполковником Мишковичем и по его указаниям приспособлен на местах».²¹

Тем не менее, инспирированность процесса стала очевидной сразу же. «В лице 53-х сербов, привлеченных за государственную измену, собственно говоря, обвиняется и предан австрийскому суду весь сербский народ. Эти 53 человека, сидящие на скамье подсудимых, играют роль побочную; они являются как бы ширмой, чтобы прикрыть величайшее насилие, которому подвергается весь сербский народ в его целом», - писал Г.С. Бобрыкин - автор брошюры «Сербский процесс в Загребе».²² Такие действия австро-венгерских правящих кругов по дискредитации славянского движения, вероятно, достигли бы поставленных целей, если бы подсудимые не получили защитника, которому удалось превратить суд над сербами в суд над австрийским кабинетом министров. Таким человеком стал один из видных политических фигур рубежа XIX - начала XX вв., будущий основатель чехословацкого государства Т. Г. Массарик. Он выступил с рядом громких разоблачений по этому делу, убедительно доказав, что все документы были подделаны австро-венгерским посольством в Белграде, причем непосредственное участие в этом принял граф Форгач – глава австрийской миссии в сербской столице. «Газеты называют именно членов австрийской миссии во главе с графом Форгачем. Правительство потребует отзыва посланника, опустившегося до уровня фальсификатора», - сообщал Н.Г. Гартвиг – российский посланник в Сербии.²³

В.П. Сватковский по поводу австрийских «разоблачений» выразился более образно: «Профессор Массарик приводит в одной из своих последних статей в «Zeit» одну сербскую поговорку в объяснение, почему сербское правительство не заботится особенно об уходе гр. Форгача. Эта циничная поговорка говорит, что запачкавший-

ся своим пометом голубь иногда лучше чистого. Может быть, было бы недурно, если бы Массарик применил сербскую народную мудрость и к Эренталю, и оставил его теперь в покое. Поход Массарика сделал уже свое дело. От прежней спеси Эренталья нет и следа. Недаром он говорил и в делегациях, что не собирается вести политику престижа. Такой «запачкавшийся голубь», пока он держится на своей голубятне, может быть более или менее безвреден и любезен не только прежним венским недоброжелателям, но и, может быть, и державам тройственного согласия. Топить его нет больше основания, но и спасать тоже».²⁴

После выступлений Массарика обвинение полностью рассыпалось. И хотя в октябре 1909 года 33 обвиняемых серба были приговорены к различным срокам тюремного заключения, процесс пришлось прекратить, а обвиняемых выпустить на свободу. Развился скандал, ударивший не только по международному авторитету австрийского правительства, но и приведший к прямо противоположным результатам: вместо ожидаемого раскола, произошло еще большее сплочение между чехами и южными славянами.

Осенью 1909 года новый политический скандал разразился вокруг австрийского историка Фридьонга, которого министр иностранных дел Австро-Венгрии Эренталь снабдил сфальсифицированными документами о «преступной» деятельности сербов, многие из которых входили в состав Сербской самостоятельной партии – опоры хорватско-сербской коалиции в австрийском парламенте. Фридьонг, не проверив подлинность документов, напечатал на их основе в газете *Neue Freie Presse* статью о том, что хорватские и сербские депутаты рейхстага находятся на содержании сербского правительства. Приложением к статье являлся документ, из которого следовало, что известный хорватский деятель югославянского движения Ф. Супило получал из Белграда значительные денежные суммы.

Супило возбудил против Фридьонга дело по обвинению в клевете. Т. Массарику и специально командированному из Белграда начальнику отдела сербского МИДа, впоследствии послу в Петербурге Спайлаковичу без труда удалось доказать, что этот документ был фальшивкой. Припертый к стенке, историк заявил, что считал документ достоверным, поскольку получил его из рук высших правительственных чиновников – министра иностранных дел Эренталья, начальника Генерального штаба Конрада фон Гетцендорфа и самого престолонаследника Франца-Фердинанда. «Но ведь вы же ученый!», – крикнул Супило Фридьонгу. Австрийский историк сконфуженно молчал. Назревал неслыханный международный скандал, который удалось замять только потому, что Супило не стал доводить дело до конца. В этой же связи австрийские правящие круги постарались «забыть» и о показаниях Настича, которые были первоначально использованы для начала Загребского процесса.

Все эти сообщения буквально «взрывали» сербское общество, жаждавшее мести и реванша. Не принес успокоения и последовавший за событиями аннексионного кризиса 1910-й год. Вот что сообщал в МИД посланник Н.Г. Гартвиг в октябре 1910 года: «В префектуру явился добровольно некий Владимир Васич, сербский поданный, бывший журналист по профессии, сознавшийся в том, что он служил орудием в руках австрийцев при составлении подлогов. Васич арестован; проводится следствие».²⁵ Оно, кстати, было недолгим и уже в декабре 1910 года журналист получил пять лет каторжных работ.

Тут же возник новый скандал, поскольку, как отмечал Гартвиг, «сербскому правительству удалось снова обнаружить тайную австрийскую организацию, имевшую целью оклеветать политических деятелей Сербии, будто бы готовивших покушение на Франца-Иосифа. Опять дело идет о подделке документов под руководством графа Форгача, на сей раз фабрикованным в пограничном городе Землине, куда и посланник, и члены миссии постоянно ездили. Местные власти захватили переписку. Форгач, вызванный сегодня в Вену по телеграфу, объяснил отъезд своей необходимостью дать присягу по случаю получения чина тайного советника. Разоблачения превзойдут все, до сих пор обнаруженное Массариком».²⁶ Конфликт на Балканах, таким образом, перерос в новую стадию своего развития, что связано с формированием в Сербии военной организации, ставившей своей целью объединение всех сербов в едином государстве.

Между тем, наглядные примеры в соседних государствах демонстрировали, какую большую роль могут сыграть военные в осуществлении высших государственных задач. Примером тому служила, прежде всего, сама Османская империя, где, по словам российского посла Зиновьева, «армия считается и действительно служит опорой верховной власти».²⁷ Младотурецкая революция в этом смысле была весьма показательной. Российский военный агент в Турции полковник Хольмсен в рапорте от 11 июля 1908 года отмечал: «Первым делом следует отметить, что носителями либеральных идей являются исключительно молодые офицеры, которые до самого конца провели революцию без всякого участия старших начальников, которые показали свое полнейшее ничтожество, оставаясь безучастными зрителями совершавшихся событий. Система султана выдвигать вперед одни бездарности, в надежде таким образом обезвредить армию и флот, была использована против него самого, и он теперь находится лицом к враждебной ему армии, предводительствуемой неведомыми ему силами. Занятое армией положение служит серьезной угрозой для будущего, и можно опасаться повторения роли, которую в свое время в истории играли преторианцы и янычары».²⁸

Аналогичным образом развивались события в греческом королевстве, где под влиянием турецкой военно-политической организации

■ Международные отношения

«Единение и Прогресс» в 1909 году была создана «Военная лига» во главе с полковником Н. Зорбасом, основные требования которой свелись к следующему:

1. Возвращение к двухлетнему сроку службы;
2. Уничтожение штаба главнокомандующего;
3. Удаление из действующей армии королевичей;
4. Несменяемость морского и военного министров и назначение их королем;
5. Приглашение иностранных специалистов для стрелковой и кавалерийской школ;
6. Пополнение недостающих боевых запасов, при соблюдении в заказах должной экономии.

Правительство Д. Раллиса, который стал премьером страны незадолго до означенных событий, отказалось вести переговоры и принять делегацию офицеров. В ответ на прекращение переговоров Н. Зорбас отдал приказ всем войскам афинского гарнизона собраться в предместье греческой столицы Гуди. Город фактически оказался под контролем военных. Король вынужден был принять требования офицеров:

- удалить из армии членов королевской семьи;
- отправить в отставку Д. Раллиса;
- восстановить на службе ранее уволенных офицеров²⁹.

«16 августа, построив в Гуди войска, полковник Зорбас объявил об исполнении всех требований «союза офицеров», поздравил с успехом и заявил, что «союз» будет продолжать следить за точным исполнением требований, не позволяя никому безнаказанного дурного управления страной, как это было до сих пор. После этого Зорбас провозгласил троекратную здравницу королю, подхваченную войсками», - отмечал В.А. Артамонов, в то время российский военный агент в Греции.³⁰

В этой связи создание именно офицерским корпусом Сербии новой политической организации, пропитанной, с одной стороны, националистическим, а с другой - антиавстрийским духом, кажется нам вполне объяснимым. Учитывая балканский опыт, значительная часть сербских офицеров полагала, что военный режим лучше подходит для достижения целей национальной политики. Они готовы были сформировать свой центр политического влияния, который стоял бы выше всех существовавших в стране гражданских политических институтов. Такое общество было создано в мае 1911 года и получило название «Объединение или смерть» или «Черная Рука». Главным идейным вождем новой организации стал офицер Генерального штаба Д. Димитриевич-Апис - один из главных организаторов антидинастического заговора 29 мая 1903 года.³²

А вот, что мы читаем в циркуляре «Черной руки»: «Внутренняя политика правительства Королевства Сербии - партийна, а внешняя - неопределенна и нерешительна в такой степени, что внешние события застанут нас врасплох и не готовыми. Обязанность всякого члена - словом,

делом и всякими другими средствами направлять всех и каждого в смысле идей нашей организации. Пусть каждый член будет уверен в том, что наша армия в материальном отношении, принимая во внимание соседей, вполне готова ко всем событиям». К этому же свелись основные положения программы «Черной Руки», которые, как представляется, были весьма, схожими с требованиями греческих офицеров:

- власть короля, ставшая слишком конституционной, должна быть усилена;
- военный министр назначается королем и не сменяется при отставке кабинета;
- правительство должно строить свою политику главным образом на национальных интересах сербского народа и в связи с политикой России;
- в случае, если Россия не окажет Сербии поддержки при движении Австрии к Салоникам, общество объединяет всех сербов для борьбы с Австрией во что бы то ни стало во имя принципа, давшего само название обществу: «объединение или смерть».³⁴

В сентябре 1911 года началась итало-турецкая война, до предела обострившая обстановку на Балканах. Как заметил российский дипломат Г.Н. Трубецкой, «война Италии с Турцией в 1911 году была последним толчком», побудившим балканские государства перейти из области предварительного обмена мнений к «заключению союза».³⁵ Сербское общество, а особенно армия, рассчитывали взять реванш за 1908 год.

В марте 1912 года Сербия и Болгария заключили военный союз, к которому вскоре присоединились Греция и Черногория. Уже в октябре 1912 года началась первая балканская война, в результате которой Османская империя практически лишилась своих балканских владений, а Сербия стала играть ведущую роль в регионе. 30 мая 1913 года в Лондоне были подписаны мирные соглашения, согласно которым практически вся европейская Турция перешла под контроль держав-победительниц. Стамбул уступал союзникам всю территорию к западу от линии Энез-Мидье, кроме Албании, которая, согласно статьям того же договора, стала независимым государством. Таким образом, Сербия лишилась надежд на выход к морю. Компенсировать эту неудачу сербские политические и военные круги пытались за счет присоединения как можно большей части македонской территории, тем самым рассчитывая осуществить выход к Эгейскому морю. 1 июня 1913 года Сербия и Греция подписали военную конвенцию, к которой присоединилась Черногория. Просербскую позицию заняло румынское руководство.

Неизбежность нового балканского конфликта стала очевидной. Николай II под давлением министра иностранных дел России С.Д. Сазонова подписал текст обращения к царю болгарскому и сербскому королю, содержащий призыв к согласию и миру. Это могло означать передачу решения территориального спора в руки России.³⁶

29 июня 1913 года, не дожидаясь русского арбитража, болгарские войска напали на сербские и греческие позиции в районе Брегалнице. Началась вторая балканская война. В начале июля войну Болгарии объявили Румыния и Турция. 20 июля 1913 года турецкие войска вступили в Адрианополь. И уже в конце того же месяца Болгария запросила мира. 30 июля того же года в Бухаресте открылись мирные переговоры, завершившиеся подписанием 10 августа 1913 года соответствующих соглашений. Сербия получила не только спорную, но и большую часть болгарской зоны в Македонии; Греция – южную Македонию, Салоники, часть Западной Фракии; Румыния получила Добруджу. 29 сентября между Болгарией и Турцией был подписан Константинопольский мир, согласно статьям которого к Турции переходила Восточная Фракия и Адрианополь.

Таким образом, Болгария потеряла не только большую часть своих недавних завоеваний, но и некоторые свои исконные территории, что окончательно толкнуло ее в объятия германской политики. Д. Бьюкенен – посол Великобритании в России в 1910-1918 гг., отмечал по этому поводу: «Бухарестский мир с удовлетворением был приветствуем императором Вильгельмом по вполне понятным причинам. Этот мир переделал все, что сделала первая балканская война, и создал такое положение, которым прекрасно воспользовалась Германия в начале Европейской войны. После его подписания король Фердинанд, как говорят, сказал: «Ma vengeance sera terrible», (моя месть будет ужасна) - и он сдержал свое слово»³⁷.

Управление страной взяли в свои руки представители либеральной партии, придерживавшихся прогерманской и проавстрийской ориентации в достижении идеала Сан-Стефанской Болгарии. Сазонов, в свою очередь, прямо возлагал ответственность за вторую балканскую войну на австро-венгерские правящие круги: «Поддерживая Фердинанда Кобургского и его единомышленников, венская дипломатия старалась наверстать потерянное и сразу отыграться после первого крупного проигрыша. События показали, и на этот раз ошибочность расчетов венского кабинета и ненавистная ему Сербия вышла снова победительницей из вторичного испытания и своими победами над Болгарией приблизилась к осуществлению пансербского идеала».³⁸

Российский военный агент в Болгарии Романовский, оценивая общие итоги балканских войн, отмечал: «Сербо-болгарская война является крушением всей нашей предшествующей балканской политики, и, независимо от ее итога, может быть для нас только невыгодной. Если бы болгары победили сербов, то это повело бы лишь к торжеству австрийских интересов и к сближению Болгарии с Австрией. Если, как это случилось в действительности, благодаря выступлению Румынии, греки и сербы победили болгар, то это должно привести лишь к усилению греков и румын и к уступке им областей с славянским

элементом»³⁹. Об этом же в сентябре 1913 года писал российский военный агент в Турции полковник Леонтьев, подчеркивая необходимость изменения российской политики по отношению к Болгарии: «Игра стоит свеч, ибо вопрос идет о сотнях тысяч штыков и о том направлении, какое могут принять в будущей и по существу неизбежной борьбе, в которой может быть и нам волей-неволей придется принять непосредственное участие. Очень уж велика разница – будут ли славянские армии действовать с нами заодно, или же, по примеру недавнего прошлого, займутся взаимоистреблением к вящей радости торжества врагов России и славянства».⁴⁰ Пророчество Леонтьева полностью оправдалось в ходе Первой мировой войны.

В свою очередь, С.Д. Сазонов отмечал, что Бухарестский мир для Австро-Венгрии «означал тяжелое нравственное поражение благодаря вторичному в течение одного года блестящему успеху Сербии».⁴¹ В этом же контексте рассуждает российский исследователь Т.М. Исламов: «Бессилие и бесплодность австро-венгерской дипломатии со всей очевидностью проявились в 1912-1913 гг. Проигравшей в итоге балканских войн стороной оказалась не одна только Турция, но и Австро-Венгрия. Она была унижена, посрамлена. Впервые за всю историю европейско-османского противостояния балканские проблемы решались без непосредственного участия империи Габсбургов. Авторитету ее как великой державы был нанесен ощутимый урон. Еще больше пострадал престиж империи в глазах собственных подданных, особенно югославянских и просто славянских. Жгучее чувство униженности и бессилия испытывала, пожалуй, вся верхушка империи. И эта психологическая травма сыграла немалую роль в бесшабашной агрессивности правящих кругов в роковые июльские дни 1914 г.».⁴²

Отметим, однако, что в 1913 гг. итоги Лондонской конференции и Бухарестского мира преподносились австро-венгерскими правящими кругами перед общественным мнением страны и Европы как очередной успех имперской политики: в противовес идее создания Великой Сербии успешно была проведена аннексия Боснии и Герцеговины, а также создано албанское государство. Именно так писал в австрийской прессе уже упоминавшийся нами придворный историк Фридьонг. А видный представитель немецкого юнкерства Леопольд Хлумецкий уговаривал нового министра иностранных дел Берхтольда немедленно начать войну против Сербии. «Необходимо воспользоваться моментом, - писал он, - вопрос ведь в том, чье влияние будет преобладать в Белграде – наше или русское?» И он же предостерегал: «Если к русскому влиянию присоединится еще и экономическая независимость, тогда будет ясно, что югославянский вопрос решен без нас и против нас». Милитаристскую антисербскую и антирусскую кампанию развернула и австрийская военная печать - газеты «Danzers Arme-Zeitung» и «Arme-Blatt».⁴³

■ Международные отношения

Таким образом, амбиции Вены, желание австрийских правящих кругов перекроить в свою пользу политическую карту Балкан, было очевидно уже тогда. Подобные настроения выражал и начальник Генерального штаба Конрад фон Гетцендорф, который не только не боялся войны, но и стремился ее спровоцировать. С начала XX века он делал это так настойчиво, что одно время даже впал в немилость у осторожного Франц-Иосифа, однако в 1912 году был возвращен на службу, что могло означать только одно: Австро-Венгрия была готова развязать войну. Сербское королевство, как отметил историк В. Готтлиб, «по утверждению Конрада, было «смертельным врагом Австро-Венгрии, никогда не дающим покоя», и, именно он внушал Францу-Иосифу, что «к нему нужно относиться только как к таковому».⁴⁴ Уроки 1908-1909 годов были вполне учтены венским кабинетом во время знаменитого июльского кризиса 1914 года.

Vishniyakov Y. The Bosnian Crisis of 1908-1909 and the Slavic Question.

Summary: *The Bosnian Crisis of 1908-1909 constituted an event which greatly influenced the development of the political situation in Europe in the beginning of XX century. In September 1908 Austria proclaimed the annexation of the territory of Bosnia and Herzegovina occupied by it under the verdict of the 1878 Berlin Congress which marked the end of the Russian-Turkish War of 1877-1878. In March 1909 under the German pressure Russia and after it Serbia had to accept the fact accompli. The Russian public characterized this event as a "diplomatic Tsushima". The implications of this step of Austrian-Hungarian monarchy did not take long to appear. Only five years after the said event in Sarajevo a shot rang out which turned out to be fatal not only for the Austrian-Hungarian, but also for Ottoman, German and Russian empires. The lessons of the Bosnian crisis have not lost their topicality today, as well.*

Ключевые слова

Сербия, Россия, Босния и Герцеговина, Австро-Венгрия, Балканские войны.

Keywords

Serbia, Russia, Bosnia and Herzegovina, Austria-Hungary, the Balkan Wars.

Примечания

1. См. подробнее: Виноградов К.Б. Боснийский кризис 1908-1909 гг. Пролог первой мировой войны. Л., 1964.
2. Отход Дунайской монархии от согласованных действий с Россией по решению «восточного вопроса» стал проявляться еще в конце XIX века. Несмотря на то, что в 1897 году между Россией и Австро-Венгрией было подписано соглашение о сохранении на Балканах status quo, вопрос о его изменении стал подниматься австро-венгерскими правящими кругами буквально сразу же после его подписания. Так, например, граф Капнист – российский посол в Вене, сообщал летом 1897 года: «В беседе, которую я имел с графом Голуховским накануне его отъезда в отпуск он высказался по поводу слухов об объявлении независимости Болгарии в том смысле, что венский кабинет, со своей стороны, не имел бы никаких принципиальных возражений против такого изменения существующего порядка вещей, в случае, ежели бы такое изменение было признано необходимым Россией» // АВПРИ Ф. Личный архив Гартвига. Опись 584 дело 49 1897/1898, Л.3. Вместе с тем, соглашение 1897 года вызвало негативную реакцию в Сербии. Так, например, Капнист отмечал летом 1897 года: «Сербская печать продолжает поход против австрийской администрации в Боснии и Герцеговине. Мелкие белградские газеты, как то «Браник», «Одјек», «Ускок», «Заёт», «Гласник» и т.д. наполнены статьями со всякими тенденциозными сведениями о притеснения и жалобах сербского населения в оккупационных провинциях. В них говорится о каком-то аграрном обложении, об эмиграции в Америку, о появившихся разбойничьих шайках и тому подобное, - вообще же о жалком экономическом положении страны, управляемой австро-венгерским правительством». Капнист при этом, ссылаясь на донесения российского посланника в Белграде Неклюдова, пишет «об успешном насаждении в тех же оккупационных провинциях «западной культуры» с устройством сети железных дорог, разработкой почвенных богатств и т.д.» // АВПРИ Личный архив Гартвига. Опись 584 дело 49, 1897/1898. Л.17-17 (об)
3. Босния и Герцеговина в народной Скупщине королевства Сербии на заседаниях 29 сентября, 20 и 21 декабря 1908 года. Белград 1909. С.3-4
4. Там же. С.22-23.
5. Там же. С.86.
6. АВПРИ ф. 166. Дело 113 Л. 91.
7. АВПРИ ф. 166. Дело 102. Л. 25 (об).
8. Речь идет о Народной партии Черногории, оформленной к 1907 году. Ее программа, опубликованная в газете «Народна мисао», включала в себя расширение прав Народной Скупщины, реорганизацию государственного аппарата, требование гражданских и политических прав. Наиболее видными членами партии были Марко Радулович и Шако Петрович. Несколько ранее, 1903 году в Баре во главе с Й. Хайдуковичем был основан «Рабочий союз» - первая в Черногории рабочая организация. АВПРИ ф. 166. Дело 102. Л. 28.
9. Там же. Л.25 (об).
10. См. Хлебникова В.Б. Особенности партийного строительства и межпартийной борьбы в период становления черногорского парламентаризма (1905-1914 гг.) // Человек на Балканах. Власть и общество. Опыт взаимодействия (конец XIX-начало XX в.) СПб 2009. С. 110-111.
11. ГАРФ Ф. 559 дело 55. Л. 12 (об) -13.
12. Организация «Словенский Юг» была образована в Белграде в мае 1903 года и ставила своей целью содействовать объединению южнославянских народностей. Формально являлось культурно-просветительским обществом, однако, в его составе было немало влиятельных фигур сербской политики
13. АВПРИ Ф. 166. Дело 102. Л.39-42.
14. Там же. Л.120.
15. Там же Л.143 (об)
16. Потапов Н.М. Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма. 1902-1915гг. т. I. Москва-Подгорица, 2003. С. 424

18. В.П. Сватковский являлся корреспондентом Санкт-Петербургского телеграфного агентства в Вене. Командированный в столицу Австро-Венгрии в октябре 1908 г., - в самом начале Боснийского кризиса, он стал одним из самых энергичных осведомителей Министерства иностранных дел, оказав ему немало важных услуг.
19. АВПРИ Ф. 340. Опись №793 Дело 6. Л. 12-12 (об).
20. АВПРИ. Ф. 166. Дело 113. Л. 91.
21. Там же. Л. 91 (об).
22. Боборыкин Г.С. Сербский процесс в Загребе СПб. 1909 С. 4.
23. АВПРИ. Ф.166. Дело 186. Л, 87.
24. АВПРИ ф. 340- Личный архив Сватковского опись 793, дело 6. Л. 4(об)-5.
25. АВПРИ ф. 166. Дело 186. Л, 87 (об)
26. Гартвиг в МИД 13 декабря 1910 года. // Там же. 109-109 (об)
27. АВПРИ Ф. Политархив Дело 502. Л.3
28. РГВИА. Ф. 2000 дело 1011. Л. 212-212 (об) Оценивая события младотурецкой революции российский военный агент особо подчеркивает роль масонских организаций в этих событиях. Он пишет в рапорте от 21 марта 1908 года: «Образуетя, таким образом, что-то вроде масонских лож с определенной политической программой. Организация настолько похожа на масонство, что можно подумать, что она родная дочь масонства. Связь с Лондоном несомненна. Балканский комитет официально поздравил центральный комитет с успехом. А действия комитета указывают на несомненное содействие опытных деятелей освободительного движения. Сегодня ж я узнал, что евреи играли большую роль в революции, оказанием материальной поддержки».
29. Улуян Ар.А. Политическая история современной Греции. (конец XVIII-90-е гг. XX в.) М,1998 с. 90-91.см. также: Никитина Т.В. Соколовская О.В. Социально-политический кризис и «великий бросок» в Греции 1909-1912 гг. //Реформы и революции на Балканах Балканские исследования, вып.12. М., 1994. С.167-189.
30. РГВИА ф. 2000 оп. 1 ед.хр. 855 Л.129.
31. Впервые австро-венгерское правительство узнало о существовании «Черной Руки» в ноябре 1911 года от своего посла в Белграде Угрона и военного агента Гелинека. Однако самые подробные сведения сообщил в Вену агент Теодор Стефанович Вилковский. В сербской прессе слухи об основании новой организации появились во второй половине 1911 года. Тогда же появилось и другое её название «Черная Рука», по одному, только что вышедшему криминальному роману.
32. 29 мая 1903 года в результате военного переворота, в Сербии был убит король Александр Обренович и его жена Драга, а новым монархом страны был провозглашен Петр Карагеоргиевич.
33. РГВИА ф 2000 ед.хр. 7371. Л. 42.
34. Там же. См. также Вишняков Я.В. Балканы: хватка «Черной Руки». //Военно-исторический журнал № 5. 1999.
35. Трубецкой Гр.Н. Русская дипломатия 1914-1917 гг. и война на Балканах. Монреаль. 1983. С.39
36. Сазонов С.Д. Воспоминания М., 1991. С. 114
37. Бьюкенен Д. Мемуары дипломата. М., 2001. С.112.
38. Сазонов С.Д. Указ. Соч. С. 115.
39. РГВИА ф. 2000. Дело 3048 Л, 66(об).
40. РГВИА ф. 2000. Ед. хр. 3048. Л. 34.
41. Сазонов С.Д. Указ. Соч. С.120.
42. Исламов Т.М.Австро-Венгрия в первой мировой войне. Крах империи. //Новая и Новейшая история №5, 2001. С.20.
43. АВПРИ ф.340. Опись 793. Дело 6. Л.128-130.
44. Готлиб В.В. Тайная дипломатия во время первой мировой войны. М., 1960. С.357.